

Питер Хакер

МОГУТ ЛИ РАЗНЫЕ ЛЮДИ ЧУВСТВОВАТЬ ОДНУ И ТУ ЖЕ БОЛЬ?¹

ФИЛОСОФСКИЙ ВЕЧЕР

От автора: Хотя участники этого диалога имеют имена великих почивших и выдающихся ныне здравствующих философов и хотя их слова часто представляют собой цитаты или парафразы из произведений этих философов, они суть не более чем подобию, как бы тени своих прототипов: я не стремился к детальной передаче их взглядов, я хотел только представить их точки зрения.

В Элизиуме великие беседуют непринужденно и обращаются друг к другу по имени, чего никогда не сделали бы на земле.

Собеседники:

Готлоб (Фреге).

Джон (Серл).

Людвиг (Витгенштейн).

Питер (Стросон).

Вольфганг (Кюнне).

Элизиум. Университетская чайная комната, как в Оксфорде или Кембридже. Тени почивших и живущих беседуют после ужина. За открытым окном виден большой газон; в сумерках появляются первые звезды. Все, кроме Людвига, сидят в мягких креслах, обитых темно-коричневой кожей, вокруг низкого столика, на котором стоят их напитки. Людвиг разместился на деревянном стуле со стаканом воды. Готлоб курит трубку. На столе лежит несколько книг, некоторые из них открыты.

Людвиг. Вы знаете, философские проблемы воистину подобны узлам, которые мы завязываем в нашем понимании. И чем меньше узел, тем труднее его распутать. Когда вы тянете за нить, узел становится все меньше, и развязать его становится чертовски трудно.

Готлоб. Да, Людвиг, мы все знаем, что вы любите сочинять дивные метафоры и сравнения. Но что Вы имеете в виду?

Людвиг. На самом деле, я думал о том, о чем Вы когда-то писали.

Готлоб. Вот как! И что же вас не устраивает?

Людвиг. Нет-нет, я бы не сказал, что меня что-то *не устраивает*. То, что вы писали, заинтриговало меня. Язык расставляет одни и те же ловушки для всех нас, но не все из нас в них попадают. И если даже вы попали в эту ло-

¹ Hacker P.M.S. Can Different People Have the Same Pain? A Philosophical Entertainment / Пер. Е.В. Борисова и В.А. Ладова; под ред. Е.В. Борисова.

Перевод выполнен при поддержке РФФИ (проекты № 10-06-00039-а, № 12-06-00078-а), РГНФ (проект №11-03-00039-а), ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (мероприятие 1.2.1, заявка №2012-1.2.1-12-000-3003-029), а также в рамках государственного задания Минобрнауки РФ на проведение научных исследований (тематический план НИР Национального исследовательского Томского государственного университета) № 6.4832.2011.

вешу, то избежать ее весьма непросто. В Вашей статье «Der Gedanke¹», которая, как Вы, возможно, помните, мне в свое время не понравилась, Вы писали:

Даже нефилософствующий человек рано или поздно находит необходимым признать существование внутреннего мира, отличного от мира внешнего: мира чувственных впечатлений, созданий его воображения, ощущений, эмоций, настроений; мира склонностей, желаний и решений².

И вы назвали обитателей этого вашего «мира» представлениями.

Готлоб. Ах, Людвиг – это не только мой мир. Такой мир есть у каждого. Это мир сознания. И то, что этот мир содержит, суть *объекты*, имеющие ментальную природу. В этом я согласен с вашим Джоном Миллем.

(Он наклоняется к столу и берет открытую книгу Милля «Обзор философии Уильяма Гамильтона»)

Вот, что он писал:

Я замечаю, что существует большое количество других тел, очень похожих по своим видимым свойствам... на это отдельное тело; однако их изменения не порождают, как в случае с моим телом, *мира ощущений в моем сознании*. И поскольку они не порождают такого мира в моем сознании, я заключаю, что они делают это вне моего сознания и что каждому из них принадлежит собственный мир сознания, с которым оно соотносится так же, как то, что я называю моим телом, соотносится с моим сознанием... Каждое из этих тел показывает моим чувствам множество явлений (состоящих из действий и других манифестаций), которые применительно к себе я знаю как производимые сознанием и которые мы ожидали бы увидеть в любом теле, обладающем своим миром сознания³.

Это несомненно! Я не согласен с Джоном Миллем относительно природы логики и числа, но вполне согласен с тем, что он говорит здесь.

Джон. Да, я думаю, что Джон Стюарт Милль и Готлоб здесь правы. Но, я полагаю, мы можем теперь сформулировать это более точно. Мне не очень нравится этот разговор о *мирах*: я думаю, что существует только *один* мир. Как сказала Вирджиния Вульф, «довольно и одной из этих треклятых вещей». Но существующие в мире вещи принадлежат разным онтологическим категориям. Есть объективные вещи и субъективные вещи. И я имею в виду не эпистемические модальности, как в том случае, когда мы различаем между субъективным мнением и объективным фактом. Я имею в виду *онтологические категории*. По сути дела то, что Готлоб называет «представлениями», – это *переживания сознания* или *состояния сознания*. То, о чем я говорю, и о чем говорили Вы (он обращается к Готлобу) и Милль, – это *онтологическая субъективность*. Субъективность характеризует все феномены сознания. Рассмотрим, например, высказывание «Сейчас у меня болит поясница». Такое высказывание вполне объективно в том смысле, что истинным его делает определенный действительный факт, и оно не зависит от точек зрения, уста-

¹ Мысль. – Прим. переводчиков.

² Frege G. Thoughts // Frege G. Collected Papers on Mathematics, Logic and Philosophy. Oxford: Blackwell, 1984. P. 360. [В русском переводе: Фреге Г. Мысль: логическое исследование // Фреге Г. Логико-философские труды. Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2008. С. 39. (Пер. В.А. Суровцева.) Здесь и далее в квадратных скобках даются ссылки на русские переводы цитируемых автором произведений. – Прим. переводчиков.]

³ Mill J.S. An Examination of Sir William Hamilton's Philosophy // Mill J.S. Collected Works. – Vol. IX. – Toronto: University of Toronto Press, 1979. P. 192 (Курсив Готлоба).

новок или мнений наблюдателя. Тем не менее данное явление само по себе, действительная боль сама по себе, имеет субъективный способ существования¹.

Вольфганг. Джон, я, честно сказать, не понимаю, что Вы подразумеваете под «субъективным способом существования».

Джон. Хорошо, позвольте мне сформулировать это иначе. Мы говорим о состояниях сознания. Каждое состояние сознания имеет качественные характеристики, которые переживаются его носителем – субъектом. Состояния сознания онтологически субъективны. Онтология сознания – это онтология от первого лица. Оно существует только как переживаемое субъектом (человеком или животным), и в этом смысле – только с точки зрения первого лица.

Людвиг (негодующе). Точка зрения первого лица? Что это за точка зрения? Когда вы чувствуете боль, вы чувствуете ее с какой-то точки зрения? Я знаю, что значит высказать суждение с моральной, политической или экономической точки зрения – или с моей точки зрения, когда я выражаю свое мнение. Но что значит чувствовать боль с какой-либо точки зрения?!

Питер. Не волнуйтесь так, Людвиг! Мне тоже не нравится эта фраза, но это не так важно и лежит в стороне от нашей темы – от того, что Джон называет «онтологической субъективностью». Как Вы находите то, что сказал Джон, Готлоб?

Готлоб. Я думаю, то, что говорит Джон, очень близко к тому, что я написал в той старой статье, которая не нравится Людвигу. Позвольте мне сформулировать это так: физические объекты действительны и объективны. Абстрактные объекты не менее объективны: они реальны, но не действительны. Но объекты внутреннего мира имеют совершенно иную природу. Они, как говорит Джон, субъективны. Я писал: «Казалось бы несообразным, если бы боль, настроение или желание существовали в мире независимо, без их носителя. Ощущение невозможно без ощущающего. Внутренний мир предполагает того, чьим внутренним миром он является»². Может быть, Джон прав, что разговор о мирах здесь запутывает. Я хотел сказать, что, например, в комнате невозможно обнаружить боль: там есть только испытывающие боль люди. Невозможно увидеть надежды или страхи в буфете: там можно увидеть только чашки. И мы не встретим на улице перцептуальных переживаний: на улице мы можем только *иметь их*. Под «внутренними объектами» я подразумевал переживания сознания, для которых существенно *принадлежать* кому-то. Представления или переживания сознания – это то, что мы *имеем*. Так, мы не воспринимаем собственных перцептуальных переживаний, но *имеем* таковые. То, *что* мы воспринимаем, – это *предмет* наших переживаний, но сами переживания мы *имеем*. Идеи или переживания *сущностно принадлежат* кому-то. Вещи внешнего, физического мира сущностно независимы.

Джон. Именно это я подразумевал, когда говорил, что субъективность – это *онтологическая* категория. Переживаниям присущ субъективный способ существования. Они существуют только тогда, когда они являются пережи-

¹ Searle J.R. The Rediscovery of the Mind. – Cambridge, Mass.: MIT, 1994. P. 94. [Серл Дж. Открывающая сознание заново. М.: Идея-пресс, 2002. С. 103. Пер. А.Ф. Грязнова.]

² Фреге Г. Цит. соч. С. 39. – Прим. переводчиков.

ваниями субъекта – человека или животного. В этом отношении они отличны от почти всех прочих вещей во вселенной, таких как горы, молекулы и тектонические плиты, которым присущ объективный способ существования.

Готлоб. Да, верно. Причем такого рода внутренние объекты не только принадлежат кому-то: они имеют только *одного* собственника и не могут сменить своей принадлежности. Я не могу переместить мои идеи в вас. Невозможно собрать в одном сознании чувственное впечатление, принадлежащее одному сознанию, и другое чувственное впечатление, принадлежащее другому сознанию. Объект некоторого внутреннего мира – такой, как моя боль, – не может мигрировать в другой внутренний мир, как не может и бежать во внешний мир. Нуждаясь в собственнике, ментальные объекты не могут иметь более чем одного собственника и не могут менять собственников. Вот почему я писал: «Моя боль не может принадлежать никому другому. Кто-то другой может испытывать ко мне сострадание (*улыбается*); но при этом моя боль всегда будет принадлежит мне, а его сострадание – ему. Он не испытывает моей боли, а я не испытываю его сострадания»¹. (*Смеется.*) Вы не только не можете чувствовать мою боль, когда ее чувствую я: вы не можете чувствовать мою боль даже тогда, когда я перестану ее чувствовать! Если я перестану чувствовать боль, она перестает существовать: боль не просто прошла, она ушла в небытие. (*Он вновь улыбается. Все, кроме Людвига, смеются. Людвиг хмурится.*)

Людвиг. Готлоб, Вы действительно не видите здесь никакого затруднения? Я имею в виду, *почему* все обстоит так? Почему я *не могу* передать Вам свою боль? Почему я *не могу* передать Вам свой страх или надежду? Может быть, потому, что это слишком трудно? Могу ли я *попытаться* передать вам свою боль?

Готлоб. Ах, Людвиг, как Вы не понимаете, что это невозможно. Вы можете ударить себя по голени, а затем ударить меня по голени, – но Ваша боль будет Вашей болью, а моя боль – моей.

Людвиг. Вы имеете в виду, что передать Вам мою боль «метафизически невозможно»?

Джон. Не знаю, как с метафизической невозможностью, но определенно это онтологически невозможно. Это просто очевидный факт, что боли присущ субъективный способ существования. Что это значит? Субъективный способ существования боли означает, что ее существование — это существование от первого лица. Она должна быть *чьей-то* болью, причем в гораздо более строгом смысле, нежели тот смысл, в котором, например, нога должна быть чьей-то ногой. Трансплантация ноги возможна; трансплантация боли — нет. Это общая истина о состояниях сознания. Я имею специфическое отношение к своим состояниям сознания, отличное от моего отношения к состояниям сознания других людей. А они, в свою очередь, имеют специфическое отношение к своим состояниям сознания, которое не похоже на мое отношение к их состояниям сознания.

Готлоб. Да-да, все верно.

¹ Фреге Г. Цит. соч. С. 40. – Прим. переводчиков.

Людвиг. Да нет же, совсем не верно! Дело обстоит не так, что мы могли бы *вообразить* ничью боль, просто она нам не дана. И не так, что ничья боль не может быть нам дана из-за каких-то ограничений, заложенных в нашей конституции. Мы даже не представляем, на что это могло бы быть похоже — иметь дело с болью, которая не была бы чьей-то. Если бы кто-то сказал: «Я вчера нашел боль под своей кроватью», — мы бы даже не поняли, что он имел в виду. То, что Джон называет «онтологической невозможностью», *не есть возможность, которая невозможна*. Так что вы оба должны объяснить, что это за невозможность. Это ведь не просто факт, который мог бы быть другим; это кажется неким супер-фактом, *мета-физическим* фактом. И ни один из вас не объяснил, что это значит.

Питер. Что ж, я согласен, что обращение к метафизическим или онтологическим возможностям и невозможностям только затемняет дело. Мне такого рода понятия совершенно неинтересны. Я думаю, что Готлоб и Джон в самом деле не проникли в суть вопроса. Ибо это не онтологический или метафизический вопрос. Это *логический* вопрос в широком смысле слова. Это вопрос идентификации и реидентификации партикулярий.

Бесполезно говорить, что *невозможно* существование ничьей боли, или что для меня *невозможно* почувствовать головную боль Готлоба: единственный результат, к которому мы таким образом придем, — это недоумение относительно природы этих предполагаемых невозможностей. Суть дела в том, что *нет смысла* говорить о ничьих болях или предполагать, что некоторая определенная боль, которая фактически была чьей-то, могла бы быть болью другого. Мы здесь имеем дело не с несокрушимой невозможностью, а, скорее, с границей смысла. Я надеюсь, вы будете снисходительны и позволите мне прочесть вам, что я написал по этому вопросу много лет тому назад в своей книге *Индивиды*, поскольку я не думаю, что мог бы сегодня выразить это лучше.

(Он наклоняется к столу, берет экземпляр «Индивидов» и листает страницы, пока не находит нужное место.)

Да, вот здесь, на странице 97. Вот, что я писал:

Не нужно далеко ходить, чтобы понять место этой принадлежности (ownership), логически исключающей возможность переноса, в нашей общей схеме мышления. Ибо, если мы подумаем... об условиях идентифицирующего указания (identifying reference) на *партикулярные* состояния сознания или индивидуальные переживания, мы увидим, что указать на такого рода партикулярии идентифицирующим образом можно только как на состояния или переживания определенного (identified) *лица*. Можно сказать, что состояния или переживания как партикулярии *получают* свою определенность (identity¹) от опреде-

¹ Термин identity и производные термины (identify, identical и т.д.) играют в данном тексте ключевую роль. При этом в различных контекстах акцентируются различные моменты их значения, что делает их единообразный перевод невозможным. Мы используем в разных контекстах три русских эквивалента:

1. Определенность (identity) в смысле «этовости»: ряда характеристик предмета, делающих его единичным («партикулярным» в смысле Стросона), т.е. отличающих его от всех прочих предметов универсума. В этом смысле в данном пассаже и в дальнейшем речь идет об определенности боли или переживающего ее лица.

2. Идентифицировать (identify) в смысле фиксировать единичность предмета. В этом смысле здесь и далее говорится об идентифицирующем указании (термин можно было бы передать и как «идентифицирующая референция»), идентифицирующих свойствах (свойствах, отличающих предмет

ленности того лица, чьими состояниями или переживаниями они являются. Из этого непосредственно следует, что если их вообще можно идентифицировать как партикулярные состояния или переживания, то они должны принадлежать кому-то и могут приписываться кому-то... причем так, что было бы логически невозможно, чтобы некоторое партикулярное состояние или переживание, которым кто-то фактически обладает, принадлежало бы кому-то другому. Условия определенности исключают логическую возможность переноса принадлежности¹.

Мне казалось тогда и кажется сегодня, что этот *логический* подход делает вполне понятным, что боль всегда имеет носителя и что другой человек не может чувствовать мою боль, — и вместе с тем позволяет обойтись без сомнительного обращения к метафизическим или онтологическим невозможностям. Очевидная невозможность — это, на самом деле, предел *смысла*, который не является произвольной конвенцией, но имеет свое основание в условиях указания и определенности. Боли и переживания вообще идентификационно зависимы от лиц, чьими болями и переживаниями они являются.

(Он закуривает сигарету, несколько раз нервно затягивается и смотрит на Людвига).

Людвиг. Я понимаю. Понимаю. *(Он прикладывает ладони к лицу).*

Мы должны додумать это до конца. *(Снова пауза).*

Итак, Питер очень здорово превратил то, что казалось метафизической тайной, в логическое, или, как я предпочел бы сказать, грамматическое положение...

Питер *(вполголоса)*. Я бы так не сказал.

Людвиг *(не обращая внимания на бормотание Питера)*. ...грамматическое положение об идентификационной зависимости болей от их носителей. Он считает, что определенность боли зависит от того, *чья* это боль, из чего следует, что другой человек *не может* чувствовать мою боль. У меня может болеть голова. Если у вас тоже болит голова, мы *называем* то, что вы чувствуете, «другой головной болью»; мы не говорим «у вас моя головная боль». Это потому, что определенность вашей боли как партикулярности зависит от вашей определенности в качестве человеческого индивида. Поэтому я не могу чувствовать вашу боль. Что ж, эта попытка избавиться от метафизических необходимостей, без сомнения, достойна восхищения. И все же, разделились ли мы с вопросом?

Вольфганг. Видимо, аргумент Питера можно усилить, приняв в расчет локализацию боли? Очевидно, телесная локализация является конститутивной чертой физической боли. Всегда имеет смысл спросить «что болит?» или «где больно?»: многие боли различаются по их телесной локализации. Нельзя чувствовать головную боль в спине или спинную боль в голове. Ясно, что

от всех прочих предметов) и т.п. В качестве синонимов в тексте встречаются глаголы «индивидуализировать» (individuate) и «специфицировать» (specify).

3. Тожество (identity), тождественный (identical). Этот эквивалент используется в контекстах, в которых акцентируется тот факт, что определенность предмета позволяет распознавать его как тот же самый (этот стул — тот же самый, на котором я сидел вчера). Это прежде всего контексты, в которых обсуждается различие между нумерическим и качественным тождеством и специфика «высказываний о тождестве» (identity statements). В такого рода контекстах в качестве синонима часто используется выражение «the same» — в том числе в заголовке текста: «Can different people have the same pain?». Прим. переводчиков.

¹ Strawson P.F. Individuals. London: Methuen, 1959. P. 97.

локализация боли — это *один* из критериев определенности боли. Так, если Джек имеет зубную боль, а Джилл имеет боль в спине, тогда они определенно имеют разные боли, поскольку боль в спине отлична от зубной боли. Если вы согласитесь с этим, то вы, конечно, должны будете признать, что два человека не могут чувствовать одну и ту же боль. Ведь боли Джека — это боли в *его* теле, а боли Джилл — это боли в *ее* теле. Но тело Джека отлично от тела Джилл. Их тела локализованы в различных местах. Если у Джека болит колено, то это боль Джека. Джилл может чувствовать подобную боль в своем колене. Но так как ее колено не есть колено Джека, эти боли локализованы в разных местах. Поэтому очевидно, что два человека не могут чувствовать одну и ту же боль. Различие в локализации означает нумерическое различие болей. Их боли могут быть тождественны (*identical*) качественно, но не нумерически. Они являются, как говорит Питер, разными партикуляриями. Они принадлежат разным людям и имеют разные локализации.

Людвиг. Хм... Философы должны приветствовать друг друга словами «Не спеши!». Давайте будем двигаться медленнее. (*Он делает глоток воды и на минуту задумывается.*)

Мы различаем в отношении материальных вещей, подобных стульям, между нумерическим и качественным тождеством. Этот стул (*он стучит по своему стулу*) — тот самый, на котором я сидел в прошлый вечер, когда мы говорили о логических связках. Его даже не сдвигали с этого места. Но если он нуждается в ремонте, то он может быть заменен нумерически иным, но качественно тождественным стулом из того же комплекта. Но что дает возможность провести это различие в данном случае?

Питер. Конечно, тот факт, что материальные объекты состоят из материи. Допустим, стул, на котором Вы сидите, состоит из пятнадцати фунтов красного дерева. Другие стулья из этого комплекта также состоят из пятнадцати фунтов красного дерева. Но очевидно, что дерево, из которого сделан Ваш стул, представляет собой *отдельную порцию* древесины, отличающуюся от порций, из которых сделаны другие стулья. Два стула суть материальные вещи в пространстве; они принадлежат одному виду, но состоят из различных порций материи, которые не могут занимать одно и то же место в одно и то же время. Однако ясно, что все прочие свойства стульев могут совпадать относительно любых намерений и целей. Поэтому они нумерически различны, но качественно тождественны.

Людвиг. Да. Верно.

Вольфганг. Но разве здесь нет точной аналогии с болью? Конечно, боль — не материальная вещь. Но человеческие тела — это материальные вещи. И два человека не могут занимать одно и то же место в одно и то же время, точно так же, как это невозможно для двух стульев. Вы сидите там, а я сижу здесь. Предположим, Вы чувствуете боль в Вашем колене, а я чувствую подобную боль в моем. Тогда Вы чувствуете боль в ином месте, нежели я! Боли могут быть качественно тождественны, но очевидно, что нумерически они различны, поскольку нумерически различны колени, и Ваша боль локализована в Вашем колене, а моя — в моем.

Людвиг. Давайте помедленнее. Как мы фиксируем локализацию боли другого человека? Ясно, что критерием является то, что он *говорит* и куда

указывает, отвечая на вопрос, где ему больно, о какой части своего тела он беспокоится. Если два человека говорят, что у них болит колено, если каждый указывает на свое колено, когда его спрашивают, где болит, и если каждый потирает свое колено, чтобы успокоить боль, тогда каждый чувствует боль в колене. Но разве это не тот случай, когда два человека чувствуют боль в одном и том же месте? Разве не это мы называем «чувствовать боль в одном и том же месте?» В таком случае, разве не ошибочно говорить, что разные люди не могут чувствовать боль в одном и том же месте, поскольку их тела находятся в разных местах?

Готтлоб. Теперь Вы торопитесь, Людвиг. (Он снова прикуривает свою трубку и выпускает клуб дыма.) Все, что ваша аргументация показывает, это то, что в обыденном языке фраза «боль в том же самом месте» означает то же самое, что и «боль в соответствующем месте». Но, как я писал много лет назад, «каждый, кто хочет научиться логике из языка, подобен взрослому, который хочет научиться мыслить у ребенка. Когда люди создавали язык, они находились на уровне детского, образного мышления. Языки не создавались по логической линейке»¹. Соответствующая локализация – это НЕ та же самая локализация!

Людвиг. Ну, я не согласен с Вашей позицией в отношении обыденного языка и в отношении логики. Но сейчас мы говорим не об этом. Позвольте, я покажу вам, что вопрос о локализации здесь не важен (думаю, Питер это понимает). Существует простой способ обойти вопрос о локализации. Представим себе сиамских близнецов со срастанием в колене. Если они оба чувствуют боль в месте срастания, то оба чувствуют боль в колене. Но в этом случае они указывают на одно и то же колено, когда их спрашивают, где больно. Здесь невозможно сказать, что близнец А не может чувствовать той же самой боли, что и близнец В, поскольку боль А локализована в его колене, а боль В – в его колене: ведь это одно и то же колено. Таким образом, если они описывают боль совершенно одинаково, то не должны ли мы допустить, что они чувствуют одну и ту же боль? Как минимум в этом причудливом случае два человека могут чувствовать одну и ту же боль!

Готтлоб. Нет! Я этого не понимаю. А не может чувствовать боль В, и В не может чувствовать боль А. Этим тема исчерпывается. Боль другого человека – это другая боль!²

Людвиг. Хорошо. Очень хорошо. (Он некоторое время размышляет, приложив руку ко лбу.)

Ваш ответ показывает, что вопрос о локализации боли, – это и в самом деле ложный след. Решающий аргумент, который заставляет отрицать, что разные люди могут чувствовать в точности одну и ту же боль, не имеет никакого отношения к локализации боли. Дело в том, что, как все настаивают, мое – это мое, а ваше – это ваше. Определенность боли зависит, прежде всего, от чувствующего ее лица. Когда мы чувствуем боль, это связано, как счи-

¹ Frege G. Philosophical and Mathematical Correspondence. – Oxford: Blackwell, 1980. P. 68. Из писем Гуссерлю. [Фреге Г. Избранные работы. М., 1997. С. 158. (Перевод В.А. Куренного.)]

² Frege G. Foundations of Arithmetics §27: Представление другого человека уже как таковое является другим. [Фреге Г. Основоположения арифметики. § 27 // Фреге Г. Логико-философские труды. – Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2008. С. 169. (Перевод В.А. Суровцева.)]

тает Питер, с *принадлежностью*, логически исключающей возможность *переноса*. Поэтому два человека не могут чувствовать одну и ту же боль, только подобную. Вы ведь утверждаете это, Питер?

Питер. Да. Я, действительно, думал так и склонен думать так до сих пор. Вы не можете чувствовать той же самой боли, что и я – нумерически тождественной боли, – поскольку вы не можете обладать *моей* болью. Но, конечно, вы можете чувствовать качественно тождественную боль.

Людвиг. Да. (*Он встает, чтобы подлить себе воды из кувшина, делает глоток-другой и ненадолго задумывается.*) Вы все, кажется, согласны в трех пунктах. Во-первых, чувствовать боль – значит находиться в некотором отношении к тому, что Питер называет «партикулярией». Я не буду говорить об идее партикулярии, Питер, хотя она вызывает у меня серьезные сомнения. Во-вторых, это отношение есть отношение принадлежности. И в-третьих, отношение этого вида логически исключает возможность переноса. Так вот... с чего бы начать?.. (*Он делает паузу и снова садится.*)

Давайте сначала разберемся с понятием «логическая принадлежность». В обычном смысле принадлежность – это *юридическое отношение* между человеком и принадлежащей ему вещью. Машина, которой я владею, принадлежит мне, она моя. Но я могу продать ее другому. Тогда она будет принадлежать ему, станет его машиной. Таким образом, принадлежность допускает перенос. Я мог бы делить машину с другим. Тогда нам обоим принадлежала бы — у нас была бы — одна и та же машина. Таким образом, принадлежность может быть общей.

Как же мы приходим к идее *логической* принадлежности боли или переживания вообще? Мы думаем, что фраза «у меня болит...» выражает логическое отношение принадлежности между человеком и его болью, подобно тому как фраза «у меня есть машина» выражает юридическое отношение принадлежности между собственником и имуществом. Равным образом мы думаем, что *бытие* моей машиной означает *юридическое* отношение обладания (possession), и также *бытие* моей болью означает *логическое* отношение обладания.

(*Он задумывается, взявшись за голову.*)

Смотрите! Можно сказать, что обладание – это *репрезентационная форма* переживания (а значит, и боли). Так мы *представляем* боль для нас самих в грамматике нашего языка – точно так же, как мы *в нашей речи* представляем *значение* (meaning) как действие, а *мышление* – как деятельность. Но поверхностная грамматика здесь порождает глубокие заблуждения. Примечательно, как фраза «у меня...»¹ может сбить нас с толку. Когда у кого-то есть какая-либо вещь, это, в самом деле, отношение между человеком и его имуществом. Но мы также говорим, что у нас есть отец или сестры, мы говорим о «моем отце» и «моих сестрах». При этом речь идет не об отношении принадлежности, но о родственных отношениях между отцом и ребенком или между братьями и сестрами. Мы говорим, что у нас есть обязательства: это

¹ В оригинале речь идет о глаголе «to have» (иметь) и анализируются высказывания типа «I have headache». Естественным русским эквивалентом глагола «to have» в подобных контекстах является предлог «у» в сочетании с глаголом «болеть»; например, приведенное высказывание наиболее естественным образом переводится как «У меня болит голова». – Прим. переводчиков.

тоже отношение, но не отношение принадлежности. Это не отношение между нами и тем, что у нас есть, а именно обязательствами. Это, скорее, нормативное отношение между нами и человеком, которому мы что-то пообещали. Мы употребляем фразу «у... *есть*...» в тысяче других случаев, в которых она не означает *какой бы то ни было* принадлежности. И во многих случаях (у него острый язык, тонкое чувство юмора; у него есть такое-то намерение, у него был приятный вечер, у него много дел), речь не идет ни о *принадлежности*, ни о каком бы то ни было *отношении* вообще.

Джон. Но, Людвиг, разве вы не видите, что каждый из нас, каждый субъект переживания находится в специфическом отношении к *его* (*ее*) переживанию. Хорошо, вы убедили меня в том, что разговор о принадлежности здесь может сбивать с толку. Тем не менее отношение каждого человека к своему переживанию уникально. Я сейчас не утверждаю, что каждый человек имеет то, что принято называть *привилегированным доступом* к своему собственному (*own*) – и только своему собственному – переживанию. Я согласен, что это просто очередной клубок неясностей. И я не имею в виду, что каждый человек может *интроспективно наблюдать* свои собственные и только свои собственные переживания. Это не более, чем очередная запутанная метафора. Я имею в виду то, что переживания и сознание вообще по существу субъективны. Им присуща онтология от первого лица. Они существуют только как переживаемые субъектом – человеком или животным¹.

Людвиг. Ну, если Вы имеете в виду то, что чувствующие существа иногда испытывают боль, что когда они порежут руку, им больно, и что деревья и камни не являются чувствующими существами, и потому не существует такой вещи, как боль дерева или камня, то это, конечно, верно. Но это не означает, что чувствовать боль – это *отношение* между человеком и болью.

Если у Вас головная боль, это значит, что Ваша голова болит, – но является ли это отношением? Между Вашей головой и ее болью?

Джон. А как насчет переживаний сознания вообще? Разве не очевидно, что каждый человек находится в специфическом отношении к переживаниям своего сознания? Человек, имеющий некоторое переживание, чувствует качественный характер этого переживания, – и никто больше. В этом состоит субъективный характер переживания.

Людвиг. Нам нужно будет обсудить качественный характер переживания более детально. Но лучше не сейчас. Посмотрите: иметь то, что Вы называете «переживанием сознания», не значит находиться в отношении к чему-то, что называется переживанием. Переживать страх, радость или гнев не значит *находиться в отношении* к переживанию: это значит быть напуганным, радостным, разгневанным. Иметь визуальное переживание – значит видеть. Но это не означает *находиться в отношении* к видению. Конечно, нам может быть приятно или неприятно видеть что-то, но наслаждаться видом – не значит находиться в отношении к видению. Но давайте оставим эти частности для какого-нибудь другого вечера и вернемся к главному.

Чувствовать боль – не значит находиться в отношении к боли. Боль не является членом отношения; это вообще не *объект*. Вот почему я писал в

¹ Searle J.R. Mind: a Brief Introduction. New York: Oxford University Press, 2004. P. 135.

своих *Исследованиях*, что боль не есть *нечто*, хотя, конечно, она не есть ничто¹. Чувствовать боль — не значит обладать (own) чем-то.

Питер (*прикуривая следующую сигарету*). Я понимаю, что термины, связанные с принадлежностью, могут сбивать с толку. Но мне кажется, я могу отказаться от этого неудачного оборота, продолжая тем не менее утверждать, что разные люди не могут чувствовать одну и ту же боль — нумерически тождественную боль, — так как боль идентификационно зависима от того, кто ее чувствует. Мы можем указать на партикулярную боль лишь тогда, когда можем идентифицировать испытывающее ее лицо. Мы можем идентифицировать партикулярную боль только посредством указания на того, кто ее чувствует.

Людвиг. Давайте остановимся на мгновение и посмотрим, что мы имеем. Случай с сиамскими близнецами показал, что вопрос о локализации боли для нашей проблемы не существен. Мы поставили под сомнение идею, что терпение боли есть отношение между болью и тем, кто ее чувствует. Мы отвергли мысль, что субъект боли является собственником боли. Хорошо. (*Пауза.*)

В таком случае что же остается от утверждения, что моя боль должна отличаться от Вашей, что мы не можем чувствовать одну и ту же боль? Если моя боль совпадает с Вашей в феноменальных качествах (она может быть острой, пульсирующей, жгучей, ноющей), если она имеет ту же интенсивность и соответствующую локализацию, то что отличает мою боль от Вашей?

Готлоб. Людвиг, Вы просто ходите по кругу. Вы вернулись к тезису, который я высказал в начале: Вы не можете чувствовать мою боль, потому что моя боль является моей, а Ваша — Вашей!

Питер. Или, говоря логически: боль идентификационно зависит от испытывающего ее лица. Поэтому разные люди могут, конечно, чувствовать в точности такую же, т.е. качественно тождественную боль, но не могут чувствовать нумерически тождественной боли.

Людвиг. Да, это центральный пункт. То, что Вы сказали, означает, что свойство, которое отличает мою боль от Вашей, есть *свойство быть моей*. То есть даже если моя боль не отличается от Вашей по локализации, интенсивности и феноменальным характеристикам, все же это другая боль, поскольку Ваше — это Ваше, а мое — это мое. Можно было бы даже сказать, что именно это, по закону Лейбница, делает мою боль иной. Однако в итоге это означает, что мы рассматриваем субъекта боли как *отличительное свойство боли*. Но это абсурдно. Я не являюсь свойством моей боли, как не является таковым и *бытие моим*. Субстанция не является идентифицирующим свойством ее свойств. И *принадлежность к данной субстанции* не является идентифицирующим свойством ее свойств. Позвольте мне это пояснить.

Принадлежность мне — это свойство моей машины, потому что в юридическом смысле принадлежность — это подлинное отношение. *Принадлежность мне* — это реляционное свойство моей машины, которое она сейчас имеет и которое потеряет, если я ее продам. Но, как мы выяснили, *принад-*

¹ Wittgenstein L. Philosophical Investigation. Oxford, New York: Basil Blackwell, 1953, §304. [Витгенштейн Л. Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. I. М.: Гнозис, 1994. § 304. (Перевод М.С. Козловой и Ю.А. Асеева.)]

лежность мне не является свойством моей боли, потому что *чувствовать боль* – это не отношение, а боль – не член отношения.

Посмотрите: утверждать, что *бытие моим* или *Вашим* – это реляционное свойство боли, – это все равно что утверждать, что идентифицирующее свойство коричневого цвета Вашего кресла состоит в том, что он *принадлежит* вашему креслу. Но этого никто бы не сказал, ибо тогда пришлось бы сказать, что Ваше кресло не может иметь тот же самый цвет, что и мое кресло. Нельзя утверждать, что два разных объекта не могут иметь один и тот же цвет, на том основании, что цвет А принадлежит А, а цвет В принадлежит В. Это абсурдно, поскольку в данном случае кресло – или «принадлежность креслу» – рассматривается в качестве отличительного свойства его цвета.

Джон. А почему нет? Цвета суть различные *экземпляры* одного и того же цвета. Экземпляр цвета, присущий этому креслу, отличен от экземпляра цвета того кресла.

Людвиг. Нет, нет. Возможно, дистинкция Пирса между типами и экземплярами допустима применительно к *словам*, хотя и здесь есть проблемы. Но как мы могли бы различить экземпляр и тип применительно к цвету? Если на стене есть три синих пятна и два красных, то здесь есть пять разных пятен, но только два разных цвета, а не пять. Типы и экземпляры здесь только вносят путаницу.

Так вот: если два объекта имеют цвет одного и того же оттенка, интенсивности и насыщенности, то они имеют один и тот же цвет: не нумерически, не качественно, а просто один и тот же. Различие между нумерическим и качественным тождеством применимо к материальным объектам, таким как кресла, но не к цветам. Конечно же, разные кресла могут иметь *в точности один и тот же цвет*.

Питер. Людвиг, я не вполне понимаю. И я не согласен, что вы показали ошибочность моего утверждения об идентификационной зависимости боли от субъекта. Очевидно, мы можем осуществить идентифицирующее указание на отдельные переживания, такие как боли, визуальные переживания или эмоции, только как на состояния или переживания некоторого определенного лица.

Людвиг. Разумеется, я могу указать на *вашу* головную болью и затем сказать, что она усиливается. Но вы думаете, что фраза «моя боль» или «ваша боль» *идентифицирует* боль?

Питер. Именно так.

Людвиг. Ничего подобного! Идентифицирует ли фраза «цвет этого кресла» цвет? Когда я говорю вам, что я хочу купить диванные подушки того же цвета, что и кресло, знаете ли Вы, какой цвет имеет кресло? «Цвет кресла» вовсе не идентифицирует цвет – и точно так же фраза «моя боль» не идентифицирует боль. «*Мои боли*» – какие они? Что здесь служит критерием определенности? – Конечно, не *принадлежность мне*¹! Если я говорю, что чувствую боль, Вы еще не имеете никакого представления о том, *какова* эта боль. Точно так же, если я скажу Вам, что у меня есть бокал из цветного стекла, Вы

¹ Ibid. § 253. [Там же. § 253.]

еще не будете знать, какого он цвета. Вы не осуществляете «идентифицирующего указания» на цвет словами «цвет такой-то вещи».

Питер. Конечно, здесь есть различие. Мы можем идентифицировать материальные партикулярии и указывать на них без указания на какие-либо иные сущности. Вот почему я писал, что в нашей концептуальной схеме материальные объекты являются базовыми партикуляриями. Индивидуальные события и процессы, напротив, являются зависимыми партикуляриями, ибо идентифицирующее указание на таковые возможно только посредством указания на материальные вещи – подверженные изменениям субстанции. Событие или процесс изменения цвета этого кресла идентифицируется посредством указания на кресло, чей цвет блекнет. Это событие, или процесс, отличается от изменения цвета того кресла: ведь это другое кресло, и процессы изменения цвета идентифицируются посредством указания на два разных кресла. И разве не так же дело обстоит с болями или переживаниями?

Людвиг. Почему с болью должно быть так же? Боль – это ощущение, а не событие. У Вас может болеть зуб, но боль в Вашем зубе – это не событие в Вашем зубе. *Случай* острого приступа зубной боли можно назвать событием, но *боль*, которую Вы чувствуете, – это не событие. Когда ваша зубная боль усиливается, это не событие, которое усиливается, и пульсирующая зубная боль – это не пульсирующее событие. В конце концов, цвет Ваших волос – это не событие, даже если он изменится, скажем, когда Вы покрасите волосы.

Вольфганг. Людвиг, я думаю, что Вы ошибаетесь. Конечно, мы говорим, например: «У меня та же боль, что у Энн: пульсирующая боль в висках». Но если бы это было подлинным высказыванием о тождестве (identity statement) в том смысле, что боль Энн – это моя боль (а не в том, что боль Энн – того же типа, что и моя), то ее боль не могла бы начаться прежде моей, она не могла бы усилиться без того, чтобы усилилась моя, и палач мог бы снять ее головную боль посредством отсечения моей головы¹. В Вашей *Голубой Книге* на страницах 54–55² Вы говорили, что это – не аргумент. Но я не думаю, что Вы привели весомый контраргумент.

Людвиг. Конечно же, это не аргумент! И контраргумент очевиден! Если под «подлинным высказыванием о тождестве» Вы подразумеваете такое высказывание, как «Это то самое кресло, которое вы видели на аукционе на прошлой неделе: я его купил», – тогда, конечно, высказывание «Я чувствую ту же самую боль, что и вы» не относится к тем, которые вы называете подлинными высказываниями о тождестве. Ибо то, что вы подразумеваете под этим термином, – это высказывание о *нумерическом тождестве*. Я же все это время утверждал, что различие между нумерическим и качественным тождеством имеет смысл применительно к вещам вроде кресел, но не к болям и не к цветам. Вы совершенно безосновательно полагаете, что если «Я чувствую ту же самую боль» не есть случай нумерического тождества, то это слу-

¹ Künne W. Wittgenstein and Frege's "Logical Investigations" // Wittgenstein and Analytic Philosophy. Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 39.

² [Витгенштейн Л. Голубая и коричневая книги: предварительные материалы к «Философским исследованиям». Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2008. С. 91. (Перевод В.А. Суровцева и В.В. Иткина.)]

чай качественного тождества. Но именно это — спорно. (*Он взволнованно вскакивает.*)

Посмотрите: у Энн и у меня волосы одного цвета. Это не значит, что когда Энн перекрашивает свои волосы в рыжий, мои тоже становятся рыжими; это означает лишь то, что наши волосы *имели* один цвет, а *теперь* они разного цвета. Это кресло (*Людвиг стучит по подлокотнику кресла Вольфганга*) того же цвета, что и *то* (*он стучит по креслу Питера*): не нумерически того же цвета (здесь это понятие неуместно) и не качественно того же цвета. Оно просто того же цвета: оба кресла темно-коричневые. Аналогичным образом, если Энн и я чувствуем одну и ту же головную боль — тупую пульсирующую боль в висках, — и Энн принимает аспирин, который снимает ее боль, это, *конечно же*, не означает, что моя головная боль тоже прекращается. Это означает, что мы перестаем чувствовать одну и ту же боль.

Вольфганг. Ну, я в этом не уверен. Но давайте подойдем к вопросу с другой стороны. Вы сказали, что идея, согласно которой боли индивидуализируются благодаря своим носителям, эквивалентна причудливому утверждению, что испытывающее боль лицо является свойством этой боли. Но это неверно. Я не объявляю Землю свойством ее оси, когда говорю, что ось Земли, как таковая, отличается от оси любого другого небесного тела. Я не объявляю Сократа свойством его смерти, говоря, что смерть Сократа, как таковая, отличается от смерти любого другого человека.

Знаете, я не думаю, что Вы были правы, когда сравнивали боли с креслами: вы должны были сравнить боли с осями объектов или смертями людей¹.

Людвиг. Ну что Вы, Вольфганг! Я противопоставил боли креслам и сравнил их с *цветами*. Но, я надеюсь, каждый понимает, что я *не* считаю, что грамматика боли в точности подобна грамматике цвета; совершенно очевидно, что это не так. В конце концов, Вы можете быть весь синим (*он улыбается*), как древние британцы, но Вы не можете быть весь болью. Но есть важная аналогия между «чувствовать боль» и «быть такого-то цвета»: она проявляется в сходстве соответствующих грамматик в отношении тождества и различия. Тот факт, что это кресло было выкрашено зеленым лаком позже, чем то, не говорит о том, что они различны по цвету, так же, как факт, что Ваша головная боль началась позже моей, не говорит о том, что мы чувствуем не одну и ту же головную боль — умеренную пульсирующую боль в левом виске.

Вольфганг. Почему бы нам не рассматривать боли по аналогии с ухмылками? Ухмылка Джека идентификационно зависима от него. Вот почему забавен Чеширский кот Льюиса Кэрролла: нет кота — нет улыбки. Точно так же боль, которую чувствует человек, идентификационно зависит от него.

Людвиг. Да, ухмылка Джека существует, пока Джек ухмыляется. Когда он перестает ухмыляться, на его лице больше нет ухмылки. Но сын Джека может, конечно, иметь ухмылку своего отца. Чеширский кот забавен, потому что нет ухмылок без ухмыляющихся лиц и нет улыбок без улыбающихся лиц, — но не потому, что тот, кто ухмыляется или улыбается, представляет собой критерий определенности ухмылок или улыбок.

¹ Künne W. Op. cit. P. 39.

Теперь позвольте мне вернуться к вашим двум прежним аналогиям – между болями и событиями и между болями и осями вращения. Почему боли нельзя сравнивать с событиями, я уже объяснил. Я согласен, что смерть Сократа – это уникальное событие, но головная боль Сократа не уникальна и не является событием: это ощущение. Я говорил, что для того, чтобы пролить свет на определенность боли, мы должны сравнить грамматику ощущения с грамматикой цвета. Вы полагаете, что мы должны сравнить боли с осями вращения? Но верно ли, что ось вращения Земли, как вы выражаетесь, *как таковая*, отлична от оси вращения любого другого небесного тела? Какова ось Земли? Вы имеете в виду угол ее наклона? И каков же он?

Джон. Насколько я помню, это 23 или 24 градуса.

Людвиг. Именно так. И допустим, что одна из лун Юпитера также имеет наклон оси между 23 и 24 градусами. Тогда она будет иметь ту же самую ось, что и Земля? (*тишина*)

Или вы имеете в виду *длину* земной оси?

Джон. Это около 7900 миль.

Людвиг. Хорошо. В солнечной системе нет других планет с осью *такой* длины, но весьма вероятно, что среди миллиардов планет, разбросанных во Вселенной, есть много таких, ось которых имеет в точности такую же длину.

Очевидно, Вольфганг, что фраза «ось вращения Земли» не говорит о том, *какую* ось вращения имеет Земля. Фраза «ось Земли» не предполагает никакого критерия определенности. Но если вы говорите, что ее угол наклона составляет 23 градуса, а длина – 7900 миль, то непонятно, почему другие небесные тела не могут иметь точно такую же ось вращения. Ясно также, что ось Земли может меняться – и действительно меняется, – и после ее изменения Земля по-прежнему имеет *некоторую* ось, а именно *свою* ось, – но не ту же самую ось. И если она имеет ту же самую ось, что и планета Лауфлин, то после того, как угол ее наклона уменьшится, она больше не будет иметь ту же самую ось, что и Лауфлин.

Фраза «ось Земли» указывает на ось вращения Земли, так же как фраза «боль А» указывает на боль А, но ни одна из этих фраз не содержит *идентифицирующего* указания. Если Вы скажете: «Ни одно небесное тело не может иметь ту же самую ось вращения, что и Земля», – то мы можем спросить вас, *какова* ось вращения Земли, каковы угол ее наклона и длина, – и когда Вы ответите, Вы дадите нам критерии определенности для оси Земли, – и станет ясно, что другие небесные тела могут иметь ту же самую ось. Подобным образом фраза «боль Джека» указывает на боль, которую чувствует Джек, но она не *определяет*, *какую именно* боль Джек чувствует. Если Вы определите эту боль как пульсирующую боль в левом виске, то мы получим критерий определенности, и станет ясно, что другое лицо вполне может чувствовать ту же самую боль.

Готтлоб (*раздраженно взмахивая трубкой*). Но, Людвиг, Вы действительно хотите сказать, что Вы можете чувствовать мою боль? Это же нонсенс!

Людвиг. Смотря что Вы имеете в виду. Если А съел некачественную пищу, у него могла заболеть голова. Такую же пищу может съесть В, и спустя полчаса у него может начаться головная боль с точно такими же феноме-

нальными свойствами; тогда он может сказать А: «У меня началась Ваша головная боль». Он подразумевает, что сейчас он чувствует ту же самую головную боль, которую имел А. В этом нет ничего необычного. Это не означает, что головная боль А «мигрировала» из головы А в голову В. И это не значит, что головная боль А прошла. Если бы кто-то в таких обстоятельствах сказал: «У меня началась ваша головная боль», – мы бы, скорее всего, поняли его в том смысле, что он сейчас чувствует ту же самую головную боль, что и Вы, – и это вполне осмысленно, пока мы не трактуем *ощущение боли* как отношение между человеком и болью. Тот факт, что голова А начала болеть прежде головы В, не означает, что головная боль А отлична от головной боли В; это означает только, что событие начала головной боли А отличается от события начала головной боли В и предшествует ему. Точно так же возможно, что ваше кресло стало коричневым прежде, чем таковым стало кресло Питера: если кожа на Вашем кресле была покрашена раньше, чем кожа на кресле Питера. Но это не говорит о том, что эти два кресла имеют разные цвета.

Питер. Но, Людвиг, фраза «Я чувствую вашу головную боль» все же режет слух, и мы склонны исключить ее как бессмысленную. Мы склонны возразить: «Вы не можете чувствовать мою головную боль».

Людвиг. Да, верно. Вы можете исключить эту неудачную фразу из обращения. Но только с двумя оговорками. Во-первых, это не означает, что мы не можем чувствовать *ту же самую* головную боль. Во-вторых, вы должны понимать, что если *Вы* не можете чувствовать мою головную боль, то и я не могу чувствовать мою головную боль.

Готлоб. Ах, Людвиг, что, черт возьми, вы имеете в виду?

Людвиг. Я имею в виду, что если логическое многообразие фразы «Я чувствую» не охватывает «вашу боль», то оно не охватывает и «мою боль». Разве это не очевидно?

Готлоб. Нет.

Людвиг. Ну как же! Посмотрите: что *означает* фраза «моя боль»? Она означает «боль, которую я чувствую». Но если так, то «Я чувствую мою боль» означает «Я чувствую боль, которую я чувствую», и это ничего не говорит о моей боли (так же, как предложение «Дождь либо идет, либо нет» ничего не говорит о погоде).

Вольфганг. Я больше не могу.

Питер. Думаю, мы все устали. Давайте нальем еще по бокалу этой отменной крепленой амброзии и выйдем в парк посмотреть на сверкающие звезды.

Готлоб. Да, после такого мне нужен хороший бокал шнапса!

Джон. Спасибо, Людвиг; было здорово. Пойдемте посмотрим на ночное небо.

(Все наливают себе напитки и выходят в парк.)

Людвиг (сам с собой). Интересно, будут ли они когда-нибудь учиться. (Выходит со своим стаканом воды вслед за всеми в парк.)

24 октября 2011 г.